

IV
1286
Проверено 1961 г. 762

У2051

Ф. ЛАССАЛЬ.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

О СУЩНОСТИ КОНСТИТУЦИИ.

№3. каб. 24004
735 / каб. Шев. шр.

Речь, произнесенная въ одномъ Берлинскомъ фрейнгъ.

СЪ ПРЕДИСЛОВИЕМЪ

Эд. Бернштейна.

Переводъ съ нѣмецкаго.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Максимъ Ганъ Николсонъ
Луга
1915.

Книгоиздательство

„БУРЕВѢСТНИКЪ“.

ОДЕССА. 1905.

Дозволено цензурою. Одесса, 15 іюня 1905 года.

ОДЕССА 1905.

Типо-літографія и нотопечатня И. Копельмана.
Троицкая, 26, уг. Пушкинской.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Новая эра», возвѣщенная съ наступленіемъ регентства принца Вильгельма, въ послѣдствіи короля Вильгельма I-го, въ исходѣ 1860 года явно подходила къ концу. Въ палатѣ господъ задавали тонъ юнкера, и передъ ними принцъ-регентъ высказалъ себя непомѣрно робкимъ, а въ итальянскомъ вопросѣ онъ внезапно провозгласилъ легимистскій принципъ съ такой рѣзкостью, которая должна была положить конецъ всѣмъ иллюзіямъ относительно его «либерализма». Но ни слабодушное либеральное большинство въ палатѣ, ни само правительство не доводили дѣла до открытаго разрыва. Тѣмъ не менѣе въ палатѣ отдѣлилась отъ старо-либеральной партіи фракція «Jung-Lithauer» съ нѣсколько болѣе радикальной программой, — и лѣтомъ 1861 года изъ нея возникла «нѣмецкая прогрессистская партія», которая вскорѣ укоренилась по всей странѣ. Ея вліяніе усилилось еще больше, когда въ октябрѣ 1861 г. Вильгельмъ, успѣвшій за это время сдѣлаться королемъ, демонстративно подчеркнул: «Божья милость» почитъ на династіи Гогенцоллерновъ. Депутации отъ ландтага онъ сказалъ слѣдующее: «Прусскіе короли получаютъ корону отъ Бога. Съ Престола Господа я возьму завтра свою корону и возложу на свою голову. Вотъ что значитъ царствовать «Божьей милостью», вотъ въ чемъ святость короны: она неприкосновенна. Вокругъ короны создались новыя учрежденія. Они призваны для того, чтобы подавать совѣты королю; къ этимъ совѣтамъ я буду прислушиваться». Это было не двусмысленное отклоненіе всякихъ притязаній палаты имѣть руководящее вліяніе на управленіе страной; это было фактическое объявленіе разрыва съ конституціей, которая въ Пруссіи давала парламенту нѣсколько больше правъ, чѣмъ только

«подавать совѣты» королю. Избиратели отвѣтили тѣмъ, что во время новыхъ выборовъ 6 декабря 1861 г. они послали въ палату такъ много депутатовъ прогрессивской партіи, что она сейчасъ же сдѣлалась тамъ вліятельной. Одно мгновение правительство еще колебалось. Министры пытались вести переговоры; но когда 6 марта 1862 г. палата приняла законопроектъ, согласно которому правительство должно было представлять ей болѣе детальную роспись государственныхъ расходовъ, произошелъ открытый разрывъ. Было образовано новое министерство, усиленное сторонниками реакціонныхъ партій—юнкерской и клерикальной—Липпе, Мюллеромъ и Итценплицемъ, съ спеціальной цѣлью—энергично противодействовать всякимъ заподозриваніямъ намѣреній правительства и обнаруживавшемуся во время послѣднихъ выборовъ направленію общественнаго мнѣнія, которое этими заподозриваніями было введено въ заблужденіе; министры вывели отсюда вполнѣ логическое заключеніе, что нужно пустить въ ходъ всю бюрократическую машину для производства выборовъ. Самые выборы были назначены на 6-е мая 1862 года.

Со временемъ подготовительной кампаніи къ этимъ выборамъ и совпадаетъ рѣчь Лассалья «о сущности конституціи», произнесенная въ либеральныхъ фрейнахъ цѣлаго ряда округовъ. Эта рѣчь—одно изъ лучшихъ произведеній Лассалья. Теоретикъ-идеалистъ обнаруживаетъ себя здѣсь практическимъ реалистомъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Твердой рукой онъ влагаетъ персты въ язвы и раскрываетъ слушателямъ, гдѣ корень зла. Ясно и недвусмысленно, въ великолѣпномъ, сжатомъ изложеніи онъ показываетъ намъ, въ чемъ сущность спора; споръ этотъ, по его мнѣнію, можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ только тогда, когда поймутъ его истинную природу и сообразно этому будутъ дѣйствовать,—именно, когда будутъ разсматривать его, какъ вопросъ о силѣ.

Конечно, и вожди либераловъ знали, что въ борьбѣ за конституцію именно этотъ вопросъ поставленъ на очередь, но они полагали, что поступаютъ необыкновенно умно, не заявляя объ этомъ открыто. Съ помощью писанной хартіи они «конституціоннымъ» путемъ желали выторговать у правительства фактическую силу и при этомъ надѣялись исключительно на сверхъ-естественное вліяніе общественнаго мнѣнія, которое Лассаль въ этой рѣчи называетъ «общественной совѣстью», вполнѣ правильно замѣчая, что «въ извѣстныхъ предѣлахъ» она тоже можетъ составить часть конституціи.

Но для либераловъ она составляла все, и поэтому они ставили вопросъ о конституціи, какъ чисто правовой вопросъ; это былъ для нихъ вопросъ формальнаго права, которое, разумѣется, было на сторонѣ парламента. При такихъ обстоятельствахъ руководителямъ либеральной партіи нѣ очень по вкусу пришлась рѣчь, въ которой съ необыкновенной пронизательностью и неотразимой логикой излагались крайнія послѣдствія разразившагося конфликта. Правда, Лассаль благоразумно удержался отъ того, чтобы сдѣлать какой-нибудь специальный практический выводъ изъ своихъ сопоставленій, но ихъ революціонный смыслъ былъ очевиденъ. Скорѣе подъ стать была эта рѣчь реакціонерамъ. Если либералы старались затушевать вопросъ о силѣ, скрывавшейся за вопросомъ о правѣ, то задачей тѣхъ, которые выступали подъ знаменемъ «Крестовой газеты»*), было представить требованія лѣвой, какъ революціонное посягательство на сферу вліянія короны. Имъ, опиравшимся на силу пушекъ, казалось необыкновенно цѣлесообразнымъ лишній разъ напомнить о существующихъ взаимоотношеніяхъ съ точки зрѣнія силы. Кромѣ того дѣятелямъ «Крестовой газеты» были на руку отношенія между Лассалемъ и вождями прогрессистской партіи, поскольку это можно было вычитать между строкъ изъ различныхъ мѣстъ рѣчи. И это также входило въ ихъ планы. Уже во время выборовъ 1861 года «Крестовая газета» предложила своей партіи завязать сношенія съ представителями послѣдовательной демократіи для выступления противъ либераловъ и, когда въ апрѣлѣ 1862 года при избраніи выборщиковъ въ депутаты, прогрессистская партія одержала побѣду по всему фронту, органъ консервативной партіи предлагалъ всеобщее избирательное право на томъ основаніи, что трехклассная система не соответствуетъ «справедливости». Они надѣялись залучить къ себѣ другихъ такъ же, какъ имъ удалось перетянуть на свою сторону братьевъ Бауэровъ**). Статья, которую «Крестовая газета» посвятила рѣчи Лассалья, такъ характерна для обрисовки тогдашняго положенія вещей,

*) «Крестовая газета» (Kreuzzeitung), первоначально носившая названіе «Новой Прусской Газеты» («Neue Preussische Zeitung») главный органъ нѣмецкой консервативной партіи, основана въ 1848 году—въ эпоху революціи.
Прим. пер.

***) Здѣсь имѣются въ виду братья Бруно и Эдгаръ Бауэры. Особенно извѣстенъ Бруно, философъ гегельянской школы (1809—1882), бывший одно время главаремъ философскаго и политическаго радикализма. Впослѣдствіи онъ сталъ защитникомъ прусскаго консерватизма и восхвалятелемъ Бисмарка.
Прим. пер.

что мнѣ кажется умѣстнымъ воспроизвести ее здѣсь дословно: «Вторымъ (симптомомъ) является для насъ цитированная нами (въ № 122) рѣчь д-ра Лассалья, очень извѣстнаго въ свое время еврея-революціонера, который, благодаря своему вѣрному чутью, попалъ какъ разъ въ цѣль и не сказалъ еще намъ всего, что онъ знаетъ и имѣетъ въ виду. Глубокое презрѣніе къ писанной конституціи, ясное пониманіе того, что фактическое положеніе дѣла и реальное соотношеніе силъ составляютъ настоящую и единственную конституцію страны, причемъ солдатамъ и даже пушкамъ предоставляется весьма важная и рѣшающая роль—изъ этихъ двухъ предварительныхъ посылокъ, взятыхъ вмѣстѣ, вытекаетъ выводъ, что въ виду этого прежде всего и больше всего слѣдуетъ позаботиться объ измѣненіи фактическаго положенія дѣла и реальнаго соотношенія силъ и, главнымъ образомъ, объ обезоруженіи побѣжденныхъ».

Онъ ошибается въ своихъ расчетахъ только въ одномъ: какъ разъ въ 1848 году демократія не побѣдила, а попросту напустила туману въ глаза себѣ самой и народу этой ложью; и поэтому, какъ только первая горячка прошла, разумѣется, снова вступило въ свои права реальное соотношеніе силъ. Къ тому-же д-ръ Лассаль слишкомъ трезвый умъ, чтобы не знать, что «реальное соотношеніе силъ» можетъ измѣнить только тотъ, кто силенъ ъе, или, другими словами, всякое правительство, въ распоряженіи котораго находятся реальныя силы страны—армія, финансы и весь механизмъ управленія, только само себя можетъ низвергнуть и сокрушить. Вотъ почему либерализмъ, «который скромно и лояльно вводитъ князей въ заблужденіе относительно ихъ силы», самый опасный возбудитель демократіи и революціи; вотъ почему насъ и радуетъ это интересное зрѣлище, когда партія переворота отъ увѣреній въ своей почтительности и лояльности переходитъ къ открытому выступленію противъ короны. Корона, дарованная Божьей милостью, сидитъ такъ крѣпко на головѣ королей, что никакая рука, кромѣ ихъ собственной, не въ состояніи ее снять. Дѣйствительной опасностью для короны является, поэтому, только та лживая и лицемерная тактика, которая думаетъ обманомъ заставить королей добровольно отказаться отъ короны («Новая прусская газета». Передовая статья отъ 8 іюня 1862 г.) Статья эта была направлена по адресу короля, который все еще колебался, отдаться-ли тѣломъ и душой «Крестовой газетѣ». Этой цѣли соотвѣтствовало и то положеніе, что всякое правитель-

ство «только само себя может низвергнуть и сокрушить». Это значило по нѣмецки: никакихъ компромиссовъ, никакихъ уступокъ въ парламентѣ, Ваше Величество! Всякая уступка есть проявленіе слабости, ведетъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ и, въ концѣ концовъ, къ гибели Богомъ дарованной власти. Поэтому, будь твердъ, король! Этотъ неустанно повторявшійся призывъ, какъ извѣстно, не попалъ на неблагодарную почву. Мнѣніе, будто демократія въ 1848 году не одержала побѣды, безусловно реакціонная выдумка. Фактически 19-го марта 1848 года пала абсолютная власть «Божьей Милостью». Если она скоро и оправилась, то только потому, что либеральная буржуазія не въ состояніи была использовать такой крупной побѣды. Въмѣсто того, чтобы возможно скорѣе обезпечить за собою фактическую власть, спорили о формальностяхъ такъ долго, что удобный моментъ создать прочную основу для писанной конституціи былъ упущенъ. Подробнѣе объ этомъ въ текстѣ брошюры. Было бы очень интересно установить, какой приемъ встрѣтила рѣчь Лассаля у слушателей либеральныхъ ферейновъ берлинскихъ округовъ, предъ которымъ онъ ее произносилъ. Въ газетахъ, которыя пишущему эти строки удалось просмотрѣть, объ этомъ ничего не упоминается. Мѣстная хроника берлинскихъ газетъ была вообще въ то время слабо развита; а тамъ, гдѣ рѣчь шла о политикѣ, избирательная борьба подчиняла себѣ все. Но рѣчь Лассаля не была избирательною рѣчью. Прогрессистскія газеты поэтому игнорировали ее и только по выходѣ изъ печати на нее обратили вниманіе широкіе круги.

Эд. Бернштейнъ.

Самъ Лассаль снабдилъ печатное изданіе своей рѣчи слѣдующимъ предисловіемъ:

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое небольшое произведеніе сначала не предназначалось для печати. Это была рѣчь, произнесенная мною по приглашенію ферейна одного изъ мѣстныхъ избирательныхъ округовъ. Уступая неоднократнымъ просьбамъ, я рѣшилъ обнародовать ее безъ измѣненій.

Ф. Лассаль.

Господа! я получилъ приглашеніе произнести рѣчь въ этомъ уважаемомъ собраніи и избралъ предметъ, который самъ за себя говоритъ, вслѣдствіе своей современности. Я буду говорить о сущности конституціи.

Скажу напередъ, господа, что рѣчь моя будетъ строго научна. Тѣмъ не менѣе или, вѣрнѣе, именно поэтому, каждый изъ васъ будетъ въ состояніи слѣдить за ней отъ начала до конца и вполне понять ее.

Истинная научность, господа,—объ этомъ не мѣшаетъ лишній разъ напомнить—состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ той ясности мысли, которая, ничего не предполагая заранѣе, шагъ за шагомъ выводитъ все сама изъ себя, но именно поэтому-то съ непреодолимой силой овладѣваетъ умомъ каждого внимательнаго слушателя.

Эта ясность мысли не нуждается ни въ какихъ предвзятыхъ убѣжденіяхъ въ слушателяхъ. Наоборотъ, она состоитъ, какъ я сказалъ, ни въ чемъ иномъ, какъ именно въ отсутствіи всего предположеннаго заранѣе, предвзятаго, она выводитъ все изъ самой себя, она не терпитъ предвзятыхъ убѣжденій. Она прямо требуетъ, чтобы слушатели не принесли съ собою ни одного предвзятаго мнѣнія, ни одного опредѣленнаго предубѣжденія: нѣтъ! они должны изслѣдовать предметъ заново такъ, какъ будто-бы у нихъ не было еще о немъ опредѣленнаго мнѣнія, какъ бы часто они ни размышляли о немъ и ни говорили; такимъ образомъ, они, хотя бы на время изслѣдованія, должны отдѣлаться отъ того обычнаго представленія о предметѣ, къ которому привыкли.

Итакъ, я начну свою рѣчь вопросомъ: что такое конституція? въ чемъ ея сущность?

Съ ранняго утра до поздняго вечера, господа, всѣ толкуютъ теперь о конституціи. Во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ обществахъ, во всѣхъ трактирахъ только и рѣчи, что о конституціи. Однако, если поставить себѣ вопросъ серьезно: въ

чемъ сущность конституціи? что это за понятіе?—то весьма опасаясь, что изъ всѣхъ, ведущихъ эти разговоры, найдется очень немного способныхъ дать удовлетворительный отвѣтъ.

Многіе при этомъ вопросѣ почувствуютъ необходимость схватиться за томъ собранія прусскихъ законовъ 1850 г. и тамъ познакомиться съ прусскою конституціей.

Но вы сейчасъ увидите, что это не отвѣтъ на мой вопросъ. Вѣдь въ томъ этомъ помѣщено только особенное содержаніе одной опредѣленной конституціи, именно прусской, и, стало быть, онъ не можетъ дать отвѣта на вопросъ: въ чемъ состоитъ сущность конституціи вообще? Что это за понятіе вообще?

Если я задамъ этотъ вопросъ юристу, онъ скажетъ мнѣ въ отвѣтъ: «конституція есть договоръ, клятвенно заключенный между королемъ и народомъ—договоръ, устанавливающий основные принципы законодательства и управленія страной». Или, такъ какъ есть и республиканскія конституціи, онъ дастъ болѣе общее опредѣленіе: «конституція есть провозглашенный въ странѣ основной законъ, устанавливающий организацію публичнаго права среди данной націи». Но всѣ эти и тому подобныя формальныя юридическія опредѣленія такъ же далеки отъ настоящаго отвѣта на мой вопросъ, какъ и предыдущій отвѣтъ. Всѣ они представляютъ лишь внѣшнее описаніе того, какъ дѣлается конституція и что она дѣлаетъ, не объясняя, что такое конституція. Они даютъ критеріи, признаки, по которымъ можно внѣшнимъ и юридическимъ образомъ узнать конституцію. Но они не говорятъ намъ, въ чемъ состоитъ понятіе, сущность конституціи. Поэтому они оставляютъ насъ въ совершенномъ невѣдѣніи насчетъ того, хороша или дурна, возможна или невозможна, прочна или непрочна данная конституція. Обо всемъ этомъ мы могли бы судить, только зная сущность конституціи вообще. Тогда только могли бы мы рѣшить, соответствуетъ ли данная конституція этой сущности или какъ она къ ней относится. Но этой сущности намъ совершенно не объясняютъ подобныя юридическія внѣшнія опредѣленія, которыя одинаково примѣнимы ко всякому листу бумаги, подписанному націей и ея королемъ и названному конституціей, каково бы ни было его содержаніе. Только понятіе конституціи служитъ источникомъ всего конституціоннаго искусства и всей конституціонной мудрости, которыя вытекаютъ изъ него шутя, сами собою—вы въ этомъ сами убѣдитесь, какъ только мы подойдемъ къ этому понятію.

Итакъ, я снова задаю вопросъ: что такое конституція, въ чемъ ея сущность, въ чемъ смыслъ этого понятія?

Мы еще не знаемъ этого, мы должны еще найти отвѣтъ. Отыщемъ его сообща. Чтобы найти его, прибѣгнемъ къ методу, къ которому всегда слѣдуетъ прибѣгать, когда желаешь получить ясное понятіе о какомъ-нибудь предметѣ. Этотъ методъ очень простъ, господа. Онъ состоитъ въ томъ, что подлежащій опредѣленію предметъ мы сравниваемъ съ другимъ, однороднымъ предметомъ, и стараемся какъ можно яснѣе и точнѣе понять тѣ различія, которыми они все же другъ отъ друга отличаются.

Вотъ мой методъ, и я ставлю теперь вопросъ: какая разница между конституціей и закономъ?

Конституція и законъ, по существу, очевидно, однородны. Конституція должна имѣть силу закона, стало быть, она должна быть также закономъ. Но она должна быть не только закономъ, — она еще нѣчто большее, чѣмъ законъ; слѣдовательно, здѣсь есть и разница. Сотни фактовъ доказываютъ, что разница точно существуетъ, что конституція должна быть не просто закономъ, а чѣмъ-то болѣе, чѣмъ законъ.

Такъ, напр., вы не находите ничего дурного въ томъ, что издаются новые законы. Напротивъ того, — вы это знаете, — необходимо, чтобы почти каждый годъ издавалось большее или меньшее число новыхъ законовъ. А между тѣмъ, нельзя издать ни одного новаго закона, не измѣняя этимъ существующихъ законныхъ отношеній. Новый законъ, не вносящій никакой перемѣны въ существующій законный строй, былъ бы совершенно безсмысленъ, излишенъ, онъ вовсе не былъ бы изданъ. Итакъ, вы не находите ничего дурного въ измѣненіи законовъ, а, напротивъ, считаете это вообще нормальной функціей правительственныхъ учреждений. Но стоитъ только затронуть конституцію, вы сердитесь и вопиете: это посягательство на нашу конституцію. Откуда такая разница? Разница эта до того неоспорима, что въ нѣкоторыхъ конституціяхъ прямо таки установлено законодательнымъ путемъ, что конституцію вовсе нельзя измѣнять; въ другихъ — что измѣнить ее могутъ только двѣ трети голосовъ законодательнаго собранія, а не простое большинство; въ третьихъ — что законодательное собраніе, даже въ соединеніи съ прочими правительственными властями, не можетъ дѣлать измѣненій въ конституцію; если же такое измѣненіе предполагается,

то должно быть избрано страной специально ad hoc новое собрание представителей для разрѣшенія вопроса.

Всѣ эти факты ясно показываютъ намъ общее всѣмъ народамъ представленіе о конституціи: это что-то еще болѣе священное, прочное и неизмѣнное, чѣмъ обыкновенный законъ.

Итакъ, возвращаюсь къ своему прежнему вопросу: чѣмъ отличается конституція отъ обыкновеннаго закона?

На этотъ вопросъ обычно отвѣчаютъ такъ: конституція не просто законъ, подобный всякому другому, а основной законъ страны. Очень возможно, господа, что въ этомъ отвѣтѣ скрывается въ неясной формѣ истина. Но форма такъ еще неясна, что въ такомъ видѣ отвѣтъ этотъ ни къ чему не служить. Тотчасъ возникаетъ, вѣдь, и другой вопросъ: ну, какая же разница между закономъ и основнымъ закономъ? Значитъ, мы опять ни на шагъ не ушли впередъ. Въ итогѣ у насъ только новое названіе: «основной законъ»; но оно нисколько не поможетъ намъ, пока мы опять-таки не знаемъ, какая разница между основнымъ закономъ и всякимъ другимъ закономъ.

Попробуемъ, не приблизимся ли мы къ цѣли, если разберемъ, какія представленія заключаются въ названіи «основной законъ»; другими словами: чѣмъ основной законъ долженъ отличаться отъ другого закона, чтобы оправдать свое названіе «основного закона».

Основной законъ долженъ, слѣдовательно:

1) быть закономъ болѣе глубокимъ, чѣмъ обыкновенный законъ; на это указываетъ намъ названіе «основной», но онъ долженъ также

2) какъ основной законъ, быть именно основаніемъ другихъ законовъ; это значитъ, что основной законъ долженъ непрерывно проявляться и въ другихъ обыкновенныхъ законахъ, составляя ихъ основаніе; слѣдовательно, основной законъ долженъ дѣйствовать и во всѣхъ другихъ обыкновенныхъ законахъ.

3) Но то, что имѣетъ основаніе, не можетъ уже по произволу быть такимъ или инымъ: оно должно быть именно таково, каково есть. Съ основаніемъ несовмѣстимы перемѣны. Только то, что не имѣетъ основанія, только случайное можетъ быть не только самимъ собой, но еще инымъ. Наоборотъ: все, имѣющее основаніе, необходимо есть таково, каково есть. Планеты, напримѣръ, движутся по извѣстному

направленію. Движеніе это или опредѣляется какой-нибудь основной причиной, или не обосновано ничѣмъ. Въ послѣднемъ случаѣ оно случайно и можетъ каждый моментъ быть инымъ. Но если оно имѣетъ основаніе,—по словамъ естествоиспытателей этимъ основаніемъ является сила притяженія солнца,—то этимъ дано уже, что притягательной силой солнца, какъ основаніемъ, опредѣляется и регулируется это движеніе такъ, что не можетъ быть инымъ, чѣмъ есть. Слѣдовательно, въ представленіи объ основаніи заключается мысль о дѣятельной необходимости, о дѣйствующей силѣ, которая необходимо дѣлаетъ обоснованное ею тѣло тѣмъ, чѣмъ оно является въ дѣйствительности.

Итакъ, если конституція составляетъ основной законъ страны, то она есть нѣчто, что мы должны опредѣлить точно, или, какъ мы пока нашли, она есть дѣятельная сила, необходимо дѣлающая всѣ другіе законы и правовыя учрежденія, устанавливаемые въ странѣ тѣмъ, чѣмъ они являются въ дѣйствительности, такъ что съ этихъ поръ въ странѣ не могутъ издаваться никакіе другіе законы, кромѣ этихъ. Господа, здѣсь мелькнулъ уже передъ нами первый лучъ свѣта, разсѣивающій тьму!

Но, господа, есть ли въ странѣ что-нибудь такое—при этомъ вопросѣ мракъ постепенно разсѣивается и окончательно исчезаетъ—есть ли въ странѣ такая руководящая дѣятельная сила, которая вліяла бы на всѣ издаваемые въ странѣ законы такъ, чтобы они по существу были необходимо таковы, каковы они суть.

О, господа, конечно, нѣчто такое есть, и это нѣчто—ни что иное, какъ реальныя соотношенія силъ внутри даннаго общества.

Реальныя соотношенія силъ, существующія въ каждомъ обществѣ,—это и есть та активно-дѣйствующая причина, которая опредѣляетъ всѣ законы и правовыя учрежденія этого общества такъ, что въ существенныхъ чертахъ они не могутъ быть иными, чѣмъ въ дѣйствительности.

Спѣшу пояснить это конкретнымъ примѣромъ. Въ той формѣ, въ какой я представляю его, онъ, правда, совершенно невозможенъ. Но, не говоря уже о томъ, что ниже мы, можетъ быть, убѣдимся, что въ другой формѣ онъ вполне возможенъ, дѣло вообще не въ томъ, можетъ ли случиться что-нибудь подобное, а только въ томъ, чтобы на этомъ примѣрѣ изучить природу вещей, которая обнаружилась бы въ случаѣ его осуществленія.

Вамъ извѣстно, господа, что въ Пруссіи только то имѣть законную силу, что обнародовано въ собраніи законовъ. Собраніе законовъ печатается въ высшей придворной типографіи Декера. Оригиналы законовъ сохраняются въ опредѣленныхъ государственныхъ архивахъ, печатныя собранія законовъ — въ другихъ архивахъ, библіотекахъ и магазинахъ.

Предположимъ же, что случился страшный пожаръ, въ родѣ гамбургскаго, и что въ немъ сгорѣли всѣ эти государственные архивы, библіотеки, магазины и придворная типографія Декера; предположимъ, что, по странному стеченію обстоятельствъ, то же случилось и въ другихъ городахъ монархій, что сгорѣли даже частныя библіотеки, въ которыхъ были собранія законовъ, такъ что во всей Пруссіи не осталось ни единого закона въ достовѣрной формѣ.

Такимъ образомъ, страна лишилась бы всѣхъ своихъ законовъ, и ей ничего не осталось бы, какъ приняться за составленіе новыхъ.

Ну, какъ же вы думаете, господа? Можно ли было поступать въ этомъ случаѣ произвольно, настрять по желанію новыхъ законовъ, какіе кому вздумалось бы? Посмотримъ.

Положимъ, вы сказали-бы: законы погибли, создадимъ новые и при этомъ уже не дадимъ королевской власти того положенія, которое она до сихъ поръ занимала; или даже устранимъ ее совсѣмъ.

Король просто-на-просто возразилъ бы на это: пусть законы погибли; но что-жъ изъ того? Фактически мнѣ повинуются армія; она идетъ, куда я прикажу ей; фактически коменданты арсеналовъ и казармъ выдадутъ по моему приказу пушки, артиллерія двинется съ ними на улицу; опираясь на эту фактическую силу, я не потерплю, чтобы вы посягнули на то положеніе, которое я занимаю.

Вы видите, господа, — король, которому повинуются войска и пушки, есть часть конституціи!

Или, положимъ, вы сказали бы: насъ 18 милліоновъ пруссаковъ. Въ числѣ этихъ 18 милліоновъ есть непримѣтная горсточка крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Мы не понимаемъ, къ чему этой непримѣтной горсточкѣ обладать такимъ же вліяніемъ, какъ и всѣ 18 милліоновъ; они составляютъ палату господъ, обсуждающую постановленіе палаты депутатовъ, избранной всей націей и отвергающіе тѣ изъ нихъ, въ которыхъ есть что-нибудь дѣльное. Положимъ, вы разсудили бы иначе и сказали: мы всѣ — «господа» и не хотимъ особой палаты господъ.

Не подлежит, разумѣется, сомнѣнію, что крупные дворяне-землевладѣльцы не могли бы вывести противъ васъ своихъ крестьянъ. Наоборотъ, совершенно очевидно, что имъ стоило-бы не мало усилийъ прежде всего спасти себя отъ гнѣва своихъ крестьянъ.

Но крупные дворяне-землевладѣльцы всегда пользовались большимъ вліяніемъ при дворѣ и у короля и, благодаря этому вліянію, могли бы выслать за себя войска и пушки съ такимъ же удобствомъ, какъ если бы сила эта находилась въ ихъ непосредственномъ распоряженіи.

Итакъ, вы видите, господа, что дворянство, имѣющее вліяніе на короля и на дворъ, есть часть конституціи.

Или предположимъ обратный случай: король и дворянство согласились-бы возстановить средневѣковое цеховое уложение, притомъ не только въ мелкихъ ремеслахъ—такая частичная попытка была, дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлана,—а въ такихъ же размѣрахъ, въ какихъ оно существовало въ средніе вѣка, т. е. во всемъ общественномъ производствѣ, стало быть, и въ крупной фабричной промышленности, въ машинномъ производствѣ. Вамъ извѣстно, господа, что при средневѣковомъ цеховомъ строѣ крупный капиталъ, крупная фабричная промышленность, машинное производство были невозможны. При этомъ строѣ существовали, напимѣръ, законы, проводившіе всюду разграниченіе отраслей труда, даже самыхъ близкихъ и родственныхъ другъ другу, и ни одинъ промышленникъ не вправѣ былъ соединить двѣ такія отрасли воедино. Штукатурщикъ не могъ замазать щели, кузнецы вели безконечные процессы съ слесарями о границахъ своихъ ремеслъ, набойщикъ не вправѣ былъ взять работу красильщика. Кромѣ того, при цеховомъ строѣ были точно опредѣлены закономъ и размѣры производства каждаго промышленника, и въ каждомъ городѣ, въ каждомъ промыслѣ мастеръ могъ имѣть въ своемъ распоряженіи лишь равное, закономъ опредѣленное, число рабочихъ силъ.

Вы видите, что уже по этимъ двумъ причинамъ крупное производство, производство машинами, системою машинъ, не могло бы и дня просуществовать при цеховомъ уложеніи. Для крупнаго производства необходимы: 1) объединеніе разнообразнѣйшихъ отраслей труда въ рукахъ владѣльца крупнаго капитала, и 2) массовое производство и свободная конкуренція, другими словами, возможность примѣненія рабочихъ силъ въ неограниченныхъ размѣрахъ.

Что вышло бы, если бы все таки затѣяли ввести теперь цеховое уложеніе?

Гг. Борзигъ, Эгельсъ и др. крупные хлопчатобумажные, шелковые и пр. фабриканты закрыли бы свои фабрики и распустили бы своихъ рабочихъ; даже дирекціямъ желѣзныхъ дорогъ пришлось бы сдѣлать то же; множество ремесленныхъ мастеровъ отчасти по необходимости, отчасти добровольно распустили бы своихъ подмастерьевъ; вся эта громадная масса народа хлынула бы на улицы, требуя хлѣба и работы; за ней стояла бы, воспламеняя ее своимъ вліяніемъ, ободряя своей мощью, поддерживая деньгами, крупная буржуазія, и вспыхнула бы борьба, въ которой побѣда не могла бы остаться за арміей.

Итакъ, господа, вы видите, что Борзигъ, Эгельсъ, вообще крупные промышленники — часть конституціи. 11

Представимъ себѣ теперь такой случай: правительство захотѣло бы принять мѣру, рѣшительно нарушающую интересы крупныхъ банкировъ, — предположимъ, оно сказало-бы такъ: королевскій банкъ не долженъ служить, какъ служить теперь, крупнымъ банкирамъ и капиталистамъ, которые и безъ того располагаютъ всѣми деньгами и кредитомъ, и которые теперь одни могутъ дисконттировать въ банкѣ на свои подписи, т. е. одни получаютъ кредитъ; королевскій банкъ не долженъ удешевлять имъ кредита еще болѣе, а долженъ служить другой цѣли: сдѣлать кредитъ доступнымъ людямъ бѣднымъ и средняго достатка; поэтому надо организовать его такъ, чтобы онъ далъ именно этотъ результатъ. Осуществимо-ли это, господа?

Правда, господа, это не вызвало бы возстанія. Однако, для нынѣшняго правительства это все-таки было-бы невозможно.

Правительству, господа, случается по временамъ надобность въ такихъ денежныхъ средствахъ, въ такихъ массахъ денежныхъ средствъ, какихъ оно не рѣшается собрать въ видѣ налоговъ. Въ этихъ случаяхъ оно прибѣгаетъ къ поѣданію будущихъ средствъ, т. е. дѣлаетъ займы и выдаетъ за нихъ государственныя бумаги. Для этого ему нужны банкиры. Правда, съ теченіемъ времени большая часть государственныхъ бумагъ опять переходитъ въ руки всего имущаго класса націи и мелкихъ капиталистовъ. Но на это надо время, часто много времени. Правительству же деньги нужны сейчасъ и разомъ или въ немногіе сроки; для этого ему нужны посредники, которые дали бы ему всю сумму и взяли бы на себя сбытъ по-

лучаемыхъ ими взаимнѣ государственныхъ бумагъ, которыя они понемногу распространяютъ среди публики и при этомъ они еще выигрываютъ на искусственно вызываемомъ на биржѣ повышеніи курса. Этими посредниками служатъ крупные банкиры, и потому правительство не можетъ теперь ссориться съ ними.

Итакъ, вы видите, господа, что банкиры Мендельсонъ, Шиклеръ, вообще, биржа — часть конституціи.

Или возьмемъ другой случай: правительство вздумало бы, напр., издать уголовный законъ, вродѣ китайскаго, согласно которому за воровство, совершенное сыномъ, наказываютъ отца. Затѣя эта не пошла бы въ ходъ, потому что она оказалась бы въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчьи съ уровнемъ нашей культуры, съ общественной совѣстью. Всѣ чиновники, даже тайные совѣтники, всплеснули бы руками и сами члены палаты господъ нашли бы это предосудительнымъ. Слѣдовательно, вы видите, господа, что въ извѣстныхъ предѣлахъ и общественная совѣсть и уровеньъ культуры — тоже часть конституціи.

Или, положимъ, правительство рѣшилось бы удовлетворить дворянство, банкировъ, крупныхъ промышленниковъ и крупныхъ капиталистовъ, но за то лишить политической свободы мелкую буржуазію и рабочихъ. Удалось ли бы это, господа? О, конечно, на время это удалось бы, мы уже видѣли, что это удается, и ниже будемъ имѣть еще случай заняться этимъ вопросомъ.

Теперь-же вообразимъ себѣ слѣдующее: мелкую буржуазію и рабочихъ рѣшили лишить не только политической свободы, но и личной, т. е. рѣшили объявить ихъ лично несвободными, крѣпостными или подданными землевладѣльцевъ, какъ это было во многихъ странахъ въ отдаленныя столѣтія среднихъ вѣковъ. Удалось ли бы это, господа? Нѣтъ, это не удалось бы, хотя-бы всѣ объединились для этой цѣли — и король, и дворянство, и вся крупная буржуазія. Вы сказали бы тогда: нѣтъ, пусть лучше насъ убьютъ, а этого мы не потерпимъ. Рабочіе поспѣшатъ тогда на улицы, и сами безъ Борзиговъ и Эгельсовъ закроютъ фабрики; вся мелкая буржуазія выйдетъ имъ на помощь, и такъ какъ ихъ соединенное сопротивление побѣдить было-бы очень трудно, то вы видите, господа, что въ извѣстныхъ крайнихъ случаяхъ и вы всѣ — часть конституціи.

И такъ, господа, мы уже поняли теперь, что такое конституція страны; это — существующія въ странѣ реальныя соотношенія силъ.

Что же такое то, что обыкновенно называется конституцией? Что такое правовая конституция? Теперь вы, господа, сами видите, что это такое.

Эти реальныя соотношенія силъ записываются на бумагѣ, излагаются письменно, и какъ скоро они записаны, они уже не просто фактическія соотношенія силъ, а права, правовыя учрежденія, и кто возстаеъ противъ нихъ—подвергается наказанію.

Точно также теперь вамъ само собой понятно, господа, какъ осуществляется это письменное изложеніе фактическихъ соотношеній силъ, превращающее ихъ въ правовыя соотношенія.

Разумѣется, не пишутъ: г. Борзигъ—часть конституціи, г. Мендельсонъ—часть конституціи и пр., а выражаютъ все это гораздо болѣе просвѣщеннымъ образомъ.

Напримѣръ, если хотятъ установить, что небольшое число крупныхъ промышленниковъ и крупныхъ капиталистовъ должно имѣть въ монархіи столько же или болѣе власти, сколько всѣ мѣщане, рабочіе и крестьяне, взятые вмѣстѣ, то этого отнюдь не пишутъ прямо и откровенно. Для этой цѣли издадутъ законъ, подобный, напр., октроированному въ 1849 году трехклассному избирательному закону, который раздѣляетъ всю страну на три класса избирателей по размѣру платимыхъ ими налоговъ, опредѣляемыхъ, конечно, размѣрами ихъ капитала.

Господа! По официальнымъ спискамъ, составленнымъ правительствомъ въ 1849 году послѣ изданія этого трехкласснаго избирательнаго закона, во всей Пруссіи было:

3 255 600 общинныхъ избирателей, которые раздѣлялись на три класса слѣдующимъ образомъ:

Къ первому избирательному классу во всей Пруссіи принадлежало	153 808 избирателей
Ко второму	409 945 »
Къ третьему	2 691 950 »

Повторяю, господа, цифры эти заимствованы изъ официальныхъ списковъ.

Вы видите изъ нихъ, что 153 808 очень богатыхъ людей имѣютъ въ Пруссіи столько же политической власти, сколько 2 691 950 мѣщанъ, крестьянъ и рабочихъ; далѣе эти 153 808 очень богатыхъ людей и 409 945 умѣренно-богатыхъ, составляющихъ второй классъ избирателей, имѣютъ ровно вдвое болѣе политической власти, чѣмъ всѣ остальные классы націи, вмѣстѣ взятые,—такъ что 153 808 очень богатыхъ и 409 945 избирателей второго класса имѣютъ уже больше политической

власти, чѣмъ другая половина умственно-богатыхъ второго класса и 2 691 950 третьяго, взятыя вмѣстѣ.

Изъ этого вы видите, господа, что въ результатѣ получается совершенно то же, какъ если бы прямо написать въ конституціи неделикатныя слова: богатый долженъ имѣть въ 17 разъ больше политической власти, чѣмъ другой гражданинъ, или столько же, сколько 17 другихъ гражданъ.

До изданія этого трехкласснаго избирательнаго закона у насъ существовало, введенное закономъ 8 апрѣля 1848 года, общее избирательное право, признававшее за каждымъ гражданиномъ, все равно, богатъ ли онъ или бѣденъ, одинаковое избирательное право и одинаковую политическую власть, одинаковое право на участіе въ опредѣленіи воли и цѣли государства. Въ этомъ вы видите, господа, подтвержденіе сказаннаго мною выше; къ сожалѣнію, легко отнять у васъ, мѣщанъ и рабочихъ, вашу политическую свободу, если только не посягать непосредственно и радикально на ваши личныя блага, тѣло и собственность. Вы допустили безъ труда отнять у васъ избирательное право, и до сихъ поръ не слышать ни о какой агитаціи по поводу его возвращенія.

Далѣе, если хотятъ установить въ конституціи, чтобы небольшое число дворянъ-землевладѣльцевъ обладало такой же властью, какую имѣютъ избиратели всѣхъ трехъ классовъ вмѣстѣ, т. е. какую имѣетъ вся нація, то этого опять таки отнюдь не выразятъ непросвѣщеннымъ образомъ, напрямикъ— ибо замѣтите, господа, разъ навсегда: все ясное и прямое — грубо и непросвѣщенно. Въ конституціи напишутъ: изъ представителей древняго, кореннаго землевладѣнія съ нѣкоторыми несущественными дополненіями учреждается палата господъ; ея согласіе необходимо для дѣйствительности всѣхъ постановленій палаты депутатовъ, представляющей всю націю; такимъ образомъ, горсточкѣ старинныхъ землевладѣльцевъ дается политическая власть, перевѣшивающая единогласную волю націи и всѣхъ ея классовъ.

Равнымъ образомъ, когда хотятъ, чтобы король одинъ имѣлъ столько же и даже гораздо больше политической власти, чѣмъ всѣ три класса избирателей, чѣмъ вся нація, даже съ прибавленіемъ дворянъ-землевладѣльцевъ, то дѣлается это такъ:

Въ 47-й статьѣ конституціи пишется: «Король назначаетъ на всѣ должности въ арміи», а въ статьѣ 108 говорится: «армія конституціи не присягаетъ». Рядомъ съ этой статьѣй

выдвигается теорія, согласно которой въ отношеніи арміи король занимаетъ совершенно иное положеніе, чѣмъ въ отношеніи всѣхъ прочихъ государственныхъ учрежденій, что въ отношеніи арміи онъ не только король, а нѣчто еще другое, совсѣмъ особое, таинственное, непостижимое, для обозначенія чего изобрѣтаютъ слово «военный вождь» *Kriegsherr*. Благодаря этому оказывается, что палатѣ депутатовъ или націи дѣла нѣтъ до арміи, что имъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ ея внутренніе порядки и организацію, а только выдавать на нее деньги. И надо сознаться,—правда выше всего,—что теорія эта дѣйствительно имѣетъ нѣкоторое основаніе въ статьѣ 108 конституціи. Разъ основными законами установлено, что армія не должна присягать конституціи, какъ это обязаны дѣлать всѣ, находящіеся на государственной службѣ и даже самъ король, конституція признаетъ этимъ въ принципѣ, что армія стоитъ внѣ ея и ничего не имѣетъ съ ней общаго, что армія имѣетъ отношеніе исключительно только къ особѣ короля, а не къ странѣ.

Какъ скоро установлено, что король назначаетъ на всѣ должности въ арміи, и что армія относится къ нему особеннымъ образомъ, этимъ однимъ королю дано не только столько же, а вдесятеро больше политической власти, чѣмъ сколько имѣетъ ее вся страна вмѣстѣ взятая, даже въ томъ случаѣ, если бы въ дѣйствительности настоящая сила страны въ десять, двадцать и пятьдесятъ разъ превышала силу арміи. Причина этого кажущагося противорѣчія очень проста.

Политическое орудіе власти короля—армія—организована; она въ любой моментъ въ сборѣ; она отлично дисциплинирована, ежеминутно готова дѣйствовать; напротивъ того, сила, заключающаяся въ націи, хотя бы въ дѣйствительности несравненно большая, неорганизована, господа; воля націи и особенно степень рѣшимости, которой достигла эта воля, не всегда можетъ быть легко узнана ея членами; поэтому никто въ точности не знаетъ, сколько народа пойдетъ за нимъ. Притомъ у націи нѣтъ тѣхъ орудій организованной силы, тѣхъ столь важныхъ основъ конституціи, о которыхъ я уже упомянулъ,—пушекъ. Правда, онѣ пріобрѣтаются на деньги гражданъ; правда, онѣ изготовляются и совершенствуются науками, развиваемыми гражданскимъ обществомъ, физикой, техникой и проч. Стало быть, уже само существованіе ихъ доказываетъ, какъ велика сила гражданского общества, какъ велики успѣхи наукъ, техническихъ искусствъ, разнаго рода отраслей фабрикаціи и труда. Но здѣсь-то вспоминается стихъ Вирги-

лія. Sic vos pop vobis. Ты дѣлаешь это не для себя! Пушки изготовляются только для организованной силы: поэтому страна знаетъ, что, при столкновеніи, эти собственныя свои дѣтища, этихъ свидѣтелей своей мощи она найдетъ во враждебномъ лагерѣ. Вотъ отчего меньшая, но организованная сила часто подолгу господствуетъ надъ гораздо большей, но неорганизованной силой націи, пока, наконецъ, послѣдняя не рѣшается противопоставить организованной силѣ свое неорганизованное превосходство, если слишкомъ долго продолжается руководство и управленіе государствомъ, вопреки національнымъ интересамъ и вопреки волѣ націи.

Итакъ, господа, мы знаемъ теперь сущность обѣихъ конституцій страны, ея дѣйствительной конституціи, реального соотношенія силъ, существующихъ въ странѣ, и ея писанной конституціи, которую, въ отличіе отъ первой, можемъ назвать,—ну хотя бы листомъ бумаги.

Дѣйствительную хартію, дѣйствительную конституцію имѣетъ всегда всякая страна—вамъ это станетъ сейчасъ ясно само собой; нѣтъ предубѣжденія болѣе ложнаго, ведущаго къ наиболѣе вздорнымъ заключеніямъ, какъ общераспространенное, господствующее мнѣніе, будто хартіи или конституціи составляютъ исключительную особенность новѣйшаго времени. Напротивъ, каждая страна необходимо имѣетъ реальную хартію или конституцію, такъ необходимо, какъ всякое тѣло, всякій организмъ, непремѣнно такъ же или иначе устроено, имѣетъ какую-нибудь хорошую или дурную конституцію. Вѣдь въ каждой странѣ непремѣнно же существуютъ какія-нибудь реальныя соотношенія силъ.

Когда во Франціи задолго до революціи прошлаго вѣка, подъ абсолютной легитимной монархіей, король Людовикъ XVI декретомъ 3 февраля 1776 года отмѣнилъ дорожную повинность, обязывавшую крестьянъ безвозмездно работать на дорогахъ, проводить и чинить ихъ, и взамѣнъ того ввелъ для покрытія дорожныхъ расходовъ налогъ, падавшій и на земли дворянства, французскій парламентъ воспротивился этому и возразилъ: *Le peuple de France est travailable et corvéable à volonté, c'est une partie de la constitution que le roi ne peut changer*, т. е. «Французскій народъ (народъ не привилегированный, низшій) можетъ быть облагаемъ податями и повинностями по произволу; эту часть конституціи король не вправе измѣнять».

Вы видите, стало быть, господа, что и тогда, какъ теперь, говорили о конституціи и даже о такой, которую ко-

роль не можетъ измѣнять. Правда, то, чему здѣсь придается значеніе конституціи,—возможность по произволу облагать низшій народъ податями и повинностями,—не было въ то время записано въ особой грамотѣ, въ которой были бы переписаны всѣ права страны и всѣ важнѣйшіе правительственные принципы; это было просто выраженіе реальнаго соотношенія силъ въ средневѣковой Франціи. Въ средніе вѣка народъ былъ дѣйствительно такъ безсиленъ, что его можно было по произволу облагать податями и повинностями; съ этимъ фактическимъ соотношеніемъ силъ всегда и соображались, сообразно этому на народъ именно всегда и налагали тяготы. Этотъ фактическій ходъ дѣлъ давалъ, такъ называемые, прецеденты, которые играютъ такую важную роль въ конституціонныхъ вопросахъ въ средніе вѣка, а въ Англіи и по сіе время. Вслѣдствіе факческаго угнетенія народа такъ часто и высказывалось мнѣніе, что обременять народъ можно; иначе, впрочемъ, и быть не могло. Высказанное, такимъ образомъ, мнѣніе становилось государственно-правовымъ принципомъ, на который потомъ въ подобныхъ случаяхъ ссылались. Нерѣдко какое-нибудь особенное обстоятельство, коренившееся въ фактическомъ соотношеніи силъ, получало еще особенное выраженіе и признаніе на листѣ пергамента. Такимъ образомъ, возникали разные franchises, вольности, права, льготы, статуы сословій, промысловъ, городовъ и т. д.

Всѣ эти факты, прецеденты, государственно-правовые принципы, пергаменты, вольности, уложенія, привилегіи составляли въ совокупности конституцію страны, и все это было въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ простымъ, наивнымъ выраженіемъ реальнаго отношенія силъ въ странѣ.

Слѣдовательно, дѣйствительную конституцію имѣли всѣ страны во всѣ времена.

Но, что дѣйствительно составляетъ специфическую особенность новѣйшаго времени, это не дѣйствительныя, а писанныя конституціи, или листы бумаги; чрезвычайно важно не упустить этого изъ вида.

Въ самомъ дѣлѣ, въ новѣйшее время мы видимъ почти во всѣхъ государствахъ стремленіе къ пріобрѣтенію писанной конституціи, которая должна скрѣпить и утвердить въ одной грамотѣ, на листѣ бумаги всѣ учрежденія и правительственные принципы страны.

Откуда же возникаетъ это специфическое стремленіе новѣйшаго времени?

Это также очень важный вопрос и только отвѣтивъ на него, можно узнать, какъ надо браться за составленіе конституціи, какъ смотрѣть на готовя уже конституціи и какъ къ нимъ относиться; словомъ, только этотъ отвѣтъ можетъ вполнѣ научить всему конституціонному искусству и всей конституціонной мудрости.

Итакъ, я сприваю: откуда возникаетъ это специфическое стремленіе новѣйшаго времени къ составленію писанныхъ конституцій? Ну, господа, откуда оно могло бы возникнуть?

Разгадка, очевидно, въ томъ, что въ дѣйствительныхъ соотношеніяхъ силъ, существующихъ въ странахъ, одержимыхъ этимъ стремленіемъ, произошла перемѣна. Не произойди перемѣны въ дѣйствительныхъ соотношеніяхъ силъ въ обществѣ, останься эти отношенія прежними,—было бы невозможно и немыслимо, чтобы это самое общество почувствовало стремленіе къ новой конституціи. Оно осталось бы при прежней; самое большее, что оно могло сдѣлать—это собрать въ одной грамотѣ разсѣянные части своей конституціи.

Какъ же происходитъ перемѣна въ дѣйствительныхъ соотношеніяхъ силъ общества?

Представьте себѣ, на примѣръ, средневѣковое государство съ рѣдкимъ населеніемъ, какъ почти во всѣхъ тогдашнихъ государствахъ, съ королемъ и съ дворянствомъ, которому принадлежитъ большая часть земли. По малочисленности населенія лишь самая ничтожная часть его можетъ находиться въ распоряженіи промышленности и торговли; большинство населенія нужно еще для обработки земли и производства необходимыхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Такъ какъ большая часть земли въ рукахъ дворянства, то населеніе это находитъ занятіе и работу у дворянства, къ которому состоитъ въ различныхъ отношеніяхъ: вассаловъ, крѣпостныхъ, наслѣдственныхъ фермеровъ и т. д.; но всѣ эти разнообразныя отношенія составляютъ разновидности одного и того же принципа—поставить населеніе въ зависимость отъ дворянства; заставить его служить дворянству въ качествѣ вассаловъ и сражаться за него въ его войнахъ. На излишекъ земледѣльческихъ продуктовъ, которые дворянство получаетъ съ своихъ помѣстій, оно содержитъ въ своихъ замкахъ рейтаровъ и тѣлохранителей, вообще разнаго рода солдатъ.

Противъ этой силы дворянства государь не имѣетъ, въ сущности, никакой дѣйствительной силы, кромѣ помощи тѣхъ дворянъ, которые добровольно—принудить ихъ ему было бы

трудно—откликнутся на его призывъ, да, пожалуй, еще ничтожную, нестоющую упоминанія помощь немногихъ чрезвычайно слабо населенныхъ городовъ.

Какова-же, господа, должна быть конституція подобнаго государства?

Конечно, и она непременно будетъ опредѣляться реальнымъ соотношеніемъ силъ въ той странѣ, которую мы только что разсмотрѣли.

Конституція будетъ сословная, а дворянство первымъ и во всѣхъ отношеніяхъ господствующимъ сословіемъ. Безъ его согласія государь не вправѣ будетъ наложить податей ни на грошъ; по отношенію къ дворянамъ онъ будетъ только *primus inter pares*,—первый между равными.

И дѣйствительно, господа, такова была въ средніе вѣка конституція Пруссіи и большей части другихъ государствъ.

Но теперь предположимъ, что населеніе все болѣе и болѣе умножается, промышленность и ремесла процвѣтаютъ, и это даетъ возможность новаго возрастанія населенія, которое начинаетъ переполнять города. Капиталь и денежное богатство начинаютъ развиваться въ рукахъ буржуазіи и городскихъ гильдій. Что же дальше?

Возрастаніе городского населенія, не зависящаго отъ дворянства, интересы котораго даже противоположны его интересамъ, служить на пользу государю; съ возрастаніемъ населенія умножается число способныхъ носить оружіе, которыми государь можетъ располагать; городское населеніе и всѣ, занятые промыслами, сильно терпятъ отъ непрерывныхъ дворянскихъ усобиць; въ интересахъ торговли и производства, они должны желать общественнаго спокойствія и безопасности и правильнаго отправленія правосудія въ странѣ; поэтому они охотно поддерживаютъ государя деньгами и людьми; съ ихъ помощью государь можетъ, какъ только ему понадобится, набрать внушительную военную силу, далеко превосходящую силы дворянства. Тогда государи начнутъ все болѣе и болѣе ограничивать власть дворянства, отнимать у него право вести войны; они будутъ разрушать его замки, если онъ нарушитъ законы страны; наконецъ, съ теченіемъ времени, благодаря развитію промышленности, до того увеличатся денежные капиталы и населеніе страны, что государь получитъ возможность содержать постоянную армію, и двинетъ свои полки на собраніе чиновъ, какъ это сдѣлалъ великій курфюрстъ или какъ Фридрихъ Вильгельмъ I, сказавшій: *je stabilirai die Soveränität, wie einen rocher de bronze* (я укрѣплю самодержавіе на

подобіе бронзовой скалы), онъ уничтожитъ податную льготность дворянства и положитъ конецъ его праву утверждать налоги.

Вы видите, что здѣсь съ переменной реальныхъ отношеній силъ происходитъ и переменна конституція; возникаетъ абсолютная монархія.

Дворянство не имѣетъ больше никакой возможности соперничать съ государемъ и давно должно было отказаться отъ самостоятельной военной силы. Оно забыло свое прежнее противодѣйствіе государю, забыло, что было ему равней; большая часть дворянъ переселилась изъ своихъ замковъ въ резиденцію,—тамъ они получаютъ пенсіи и способствуютъ усилению блеска и могущества монарха.

Между тѣмъ, промышленность и ремесла развиваются все болѣе и болѣе; съ ихъ процвѣтаніемъ населеніе все возрастаетъ и возрастаетъ.

Повидимому, этотъ процессъ по прежнему служить только на пользу государю, который можетъ, вслѣдствіе этого, постоянно увеличивать свою армію и, такимъ образомъ, получаетъ, наконецъ, мировое значеніе.

Но развитіе гражданскаго общества достигаетъ, наконецъ, такихъ колоссальныхъ, такихъ гигантскихъ размѣровъ, что государь, даже опираясь на силу постоянной арміи, не въ состоянн удержаться на одномъ уровнѣ съ этимъ возрастаніемъ силы гражданъ.

Нѣсколько цифръ, господа, пояснятъ вамъ это съ полной очевидностью.

Въ 1657 году Берлинъ имѣлъ 20 000 жителей. Почти въ то же время, ко времени смерти великаго курфюрста, армія состояла изъ 24—30 000 человѣкъ.

Въ 1803 г. въ Берлинѣ было уже 153 070 жителей.

Въ 1819 г., шестнадцать лѣтъ спустя, въ Берлинѣ было уже 192 646 жителей.

Въ этомъ году армія состояла изъ 137 639 человѣкъ; въ то время, какъ вамъ извѣстно, въ силу закона отъ сентября 1814 года, который теперь хотятъ у насъ отнять, земское ополченіе (Landwehr) не причислялось къ составу постоянной арміи.

Вы видите, что армія была тогда вчетверо больше, чѣмъ при великомъ курфюрстѣ, а число жителей Берлина возрасло въ 9 разъ.

Но тутъ только и начинается еще болѣе сильное развитіе.

Въ 1846 г. населеніе Берлина (всѣ цифры заимствованы мною изъ официальныхъ источниковъ) дошло до 389 308 жителей, почти до 400 000, стало быть увеличилось съ 1818 г. вдвое. Въ 26 лѣтъ оно больше чѣмъ удвоилось, а теперь, какъ вамъ извѣстно, простирается до 550 000.

Армія же была въ 1846 г. силою только въ 138 810 человекъ. Стало быть она почти не увеличивалась съ 1819 г., совсѣмъ не участвуя въ гигантскомъ развитіи гражданственности.

Благодаря такому колоссальному развитію, гражданское общество начинаетъ сознавать себя самостоятельной политической силой. Рука объ руку съ этимъ развитіемъ населенія, еще болѣе развивается общественное богатство; пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтають науки; болѣе высокимъ становится уровень общественной совѣсти, которая, какъ мы уже говорили, тоже составляетъ часть конституціи. Граждане начинаютъ разсуждать такъ: мы не хотимъ больше быть безвольной управляемой массой, не имѣющей собственной воли; мы сами хотимъ управлять; самъ государь пусть править нами и руководить нашими дѣлами лишь такъ, какъ мы этого хотимъ.

Короче сказать, господа, реальныя, фактическія соотношенія силъ въ странѣ опять измѣнились. Другими словами: въ обществѣ наступило 18 марта 1848 г.!

Такимъ образомъ, случилось здѣсь какъ разъ то, что въ началѣ нашего изслѣдованія мы предположили совершенно невозможнымъ примѣромъ. Мы предположили, что общество лишилось всѣхъ своихъ законовъ отъ пожара. На самомъ дѣлѣ они погибли не отъ пожара, а отъ бури.

«...Das Volk stand auf,
Der Sturm brach los»

«Народъ возсталъ, буря разразилась».

Послѣ побѣдоносной революціи въ обществѣ частное право остается неприкосновеннымъ, но всѣ законы публичнаго права ниспровергнуты или сохраняютъ лишь временное значеніе, и надо создавать новые.

Такимъ образомъ, представляется необходимымъ составить новую, писанную конституцію, — и вотъ король самъ сзываетъ въ Берлинъ національное собраніе, чтобы установить, какъ сперва говорили, новую писанную конституцію, или, какъ говорили потомъ, чтобы согласиться съ нимъ насчетъ ея!

Теперь спрашивается: какія условія нужны, чтобы писанная конституція была хороша и прочна?

Очевидно, только одно условіе—и это, господа, само собою вытекаетъ изъ всего нашего изслѣдованія: писанная конституція должна соотвѣтствовать дѣйствительной конституціи, т. е. реальнымъ соотношеніямъ силъ въ странѣ. Разъ писанная конституція не соотвѣтствуетъ дѣйствительной, между ними происходитъ столкновение, котораго ничѣмъ нельзя предупредить, и въ которомъ писанная конституція, простой листокъ бумаги, неизбѣжно побѣждается дѣйствительною конституціею, дѣйствительными соотношеніями силъ въ странѣ.

Итакъ, какъ же слѣдовало-бы въ такомъ случаѣ поступить?

Слѣдовало прежде всего позаботиться не о писанной, а о дѣйствительной конституціи, т. е. объ измѣненіи существующихъ въ странѣ реальныхъ соотношеній силъ въ духѣ, благоприятномъ для гражданъ.

Правда, 18 марта показало, что сила націи уже теперь больше силы арміи. Послѣ долгаго и кроваваго боя войска были вынуждены отступить.

Но я уже обратилъ ваше вниманіе на то, какая существуетъ разница между силой націи и силой арміи: сила арміи, хотя бы она на самомъ дѣлѣ меньше, оказывается, однако, при продолжительномъ дѣйствіи болѣе дѣйствительной, чѣмъ превосходящая ее размѣрами сила націи.

Разница эта, вы помните, состоитъ въ томъ, что сила націи не организована, а сила арміи организована, ежедневно готова возобновить бой и потому должна оказаться съ теченіемъ времени болѣе способной удержать за собой побѣду противъ гораздо большей, но не организованной силы націи, которая сплачивается въ дружную массу лишь въ рѣдкія минуты чрезвычайнаго возбужденія. Вотъ почему побѣда 18 марта и оказалась не избѣжно безрезультатной для народа, разъ не воспользовались этой счастливой минутой побѣды для преобразования организованной силы арміи такъ, чтобы она не могла болѣе служить государю средствомъ противъ народа.

Надо было, напр., ограничить службу солдата шестимѣсячнымъ срокомъ. Этотъ срокъ признается первѣйшими военными авторитетами совершенно достаточнымъ для того, чтобы дать солдату вполнѣ законченное военное обученіе, а съ другой стороны, онъ слишкомъ кратокъ, чтобы внушить солдату специфическій духъ касты; онъ настолько кратокъ, что требуетъ постояннаго возобновленія арміи изъ среды народа и этимъ превращаетъ ее изъ государева войска въ народное ополченіе.

Кромѣ того, слѣдовало установить, чтобы всѣ низшіе офицерскіе чины, по крайней мѣрѣ, до майорскаго включительно, не назначались сверху, но избирались самими солдатами; только тогда офицерскія мѣста не замѣщались бы врагами народа, стремящимися сдѣлать изъ войска слѣпое орудіе королевской власти.

Далѣе, слѣдовало также установить, чтобы всѣ проступки въ арміи, кромѣ спеціально военныхъ, подлежали обыкновенному гражданскому суду; это научило бы армію считать себя частью народа, а не чѣмъ то особымъ, какой-то отдѣльною кастою.

Всѣ пушки, которыя должны вѣдь служить только на защиту страны, слѣдовало отдать на храненіе городскимъ властямъ, избираемымъ народомъ, за исключеніемъ небольшого числа необходимыхъ для военныхъ упражненій. Часть этой артиллеріи слѣдовало употребить на образованіе артиллерійскихъ отрядовъ, гражданскаго ополченія, національной гвардіи, чтобы, такимъ образомъ, доставить народу и пушки, эту столь важную часть конституціи. Ничего этого не было сдѣлано весной и лѣтомъ 1848 г., и послѣ этого, господа, можно ли удивляться тому, что въ ноябрѣ мартовская революція была сведена къ нулю и осталась безрезультатной. Разумѣется, — нельзя, и реакція была необходимымъ послѣдствіемъ того, что въ реальныхъ фактическихъ соотношеніяхъ силъ не было произведено никакой перемѣны.

У государей гораздо лучшіе слуги, чѣмъ у васъ, господа! Слуги государей не краснобаи, какими часто бываютъ слуги народа. Это люди практическіе, инстинктивно понимающіе, въ чемъ суть. Г. фонъ-Мантейфель былъ плохой ораторъ. Но это былъ человѣкъ практическій! Разогнавъ въ ноябрѣ 1848 г. Національное Собраніе и выставивъ на улицѣ пушки, за что прежде всего принялся онъ? Не строчить ли реакціонную конституцію? Какъ бы не такъ! Онъ зналъ, что всегда успеетъ сдѣлать это! Въ декабрѣ 1848 г. онъ даже самъ далъ вамъ писанную конституцію довольно либеральную. Съ чего же началъ онъ въ ноябрѣ? Что было его первой мѣрой? О, вы, конечно, помните: онъ началъ съ обезоруженія гражданъ. Въ началѣ нашего изслѣдованія, господа, мы были чрезвычайно медлительны, приступая прежде всего къ опредѣленію самаго понятія: конституція. Быть можетъ, нѣкоторымъ оно показалось слишкомъ медлительнымъ. Но за то вы видѣли, что, какъ только мы нашли это понятіе, передъ нами одинъ за другимъ раскрылись поразительнѣйшіе выводы, и теперь мы знаемъ, въ

чемъ дѣло, гораздо лучше, яснѣе, глубже, чѣмъ другіе; мало того, мы пришли къ выводамъ, большею частію совершенно противоположнымъ тѣмъ общепринятымъ воззрѣніямъ на этотъ предметъ, которыя признаны правильными общественнымъ мнѣніемъ. Разсмотримъ вкратцѣ еще нѣсколько такихъ выводовъ.

Я только что показалъ, что въ 1848 г. не было принято ни одной необходимой мѣры для измѣненія существовавшихъ въ странѣ фактическихъ соотношеній силъ и для превращенія арміи изъ преторіанцевъ государя въ народное ополченіе.

Было, впрочемъ, сдѣлано одно предложеніе, клонившееся къ этой цѣли и представлявшее первый шагъ на этомъ пути. То было предложеніе Штейна принудить министерство издать приказъ по арміи, который долженъ былъ удалить изъ ея среды всѣхъ реакціонныхъ офицеровъ.

Но вы помните, господа, что едва берлинское Національное Собраніе приняло это предложеніе, какъ вся буржуазія и половина страны завопили: Національное Собраніе должно составлять конституцію, а не вступать въ дразги съ министерствомъ; оно не должно тратить время на понуканія, не должно вмѣшиваться въ дѣла исполнительной власти; составляйте конституцію, только и знайте, что составлять конституцію! кричали они, точно на пожарѣ.

Вы видите, господа, что буржуазія, цѣлая половина страны, говорившая это, не имѣла ни малѣйшаго понятія о конституціи.

Сочиненіе писанной конституціи было самымъ неважнымъ дѣломъ; это можно было сдѣлать, если бы понадобилось, въ трое сутокъ; это было послѣднее, о чемъ слѣдовало думать; сдѣланное преждевременно, оно было бесполезнѣйшимъ дѣломъ. Преобразовать дѣйствительныя фактическія соотношенія силъ въ странѣ, вмѣшаться въ исполнительную власть, такъ вмѣшаться, такъ фактически преобразовать ее, чтобы она уже никогда не могла самостоятельно противостать волѣ націи,—вотъ въ чемъ была вся суть,—вотъ что слѣдовало сдѣлать для упроченія писанной конституціи.

Такъ какъ Національное Собраніе принялось за писанную конституцію слишкомъ рано, то ему не дали время даже окончить ея составленіе и исполнительная власть прогнала его при помощи своихъ уцѣлѣвшихъ орудій и силы.

Второй выводъ: предположите, что Національное Собраніе не прогнали бы, что ему удалось бы дѣйствительно выработать и установить конституцію.

Измѣнило ли бы это хоть сколько-нибудь существенно теченіе дѣлъ?

Нисколько, господа, и доказательство этому представляють самые факты. Хотя Національное Собраніе было разогнано, но король, по бумагамъ, которыя оно оставило, самъ сочинилъ и провозгласилъ 5 декабря 1848 года конституцію, въ главныхъ пунктахъ совершенно сходную съ той, какую мы могли бы ожидать отъ Національнаго Собранія.

Эта конституція была не навязана королю, а провозглашена имъ самимъ, добровольно дана имъ послѣ побѣды. Кажалось бы, что тѣмъ болѣе можно разсчитывать на ея прочность.

Нѣтъ, господа, нельзя было! Боже упаси! Если у васъ въ саду растетъ яблоня, а вы повѣсите на нее ярлыкъ съ надписью: сіе есть фи́га—сдѣлается ли яблоня фигой? Нѣтъ, и хотя бы всѣ ваши домочадцы, хотя бы всѣ жители околodka собрались и громогласно, торжественно поклялись и присягнули: это—фи́га, дерево останется, чѣмъ было, и на будущій годъ истина обнаружится, когда на немъ вырастутъ яблочки, а не фи́ги.

То же и съ конституціей. Все равно, что ни написать на листкѣ бумаги, если написанное противорѣчитъ реальному положенію вещей, фактическимъ соотношеніямъ силъ. Король 5-го декабря 1848 года сдѣлалъ добровольно на листкѣ бумаги много уступокъ: всѣ они противорѣчили дѣйствительной конституціи, реальнымъ фактическимъ соотношеніемъ силъ, которыя король удержалъ въ своихъ рукахъ неослабленными. Поэтому дѣйствительная конституція должна была шагъ за шагомъ пробиваться чрезъ писанную съ такою же необходимостью, какая заключается въ законѣ тяготѣнія.

Такъ, хотя конституція 5-го декабря 1848 года была принята ревизіоннымъ собраніемъ, король долженъ былъ провозвести въ ней первое измѣненіе—жалованный трехклассный избирательный законъ 1849 г. Съ помощью палатъ, порожденныхъ этимъ избирательнымъ закономъ, были произведены въ конституціи дальнѣйшія весьма существенныя передѣлки, пока въ 1850 году король не присягнулъ ей, а какъ только присягнулъ, такъ тутъ то и началось настоящее перекраиванье! Съ 1850 г. не проходило года безъ передѣлокъ конституціи! Любое знамя, побывавшее въ ста сраженіяхъ, меньше ободрано и протыкано, чѣмъ наша конституція.

Третій выводъ: вамъ извѣстно, господа, что въ нашемъ городѣ есть партія, органомъ которой служитъ «Народная Га-

зета», партія, цѣпляющаяся съ лихорадочнымъ трепетомъ за этотъ доскутъ знамени, за эту изувѣченную конституцію, называющая себя поэтому «неизмѣннымъ приверженцемъ конституціи» и выбравшая боевымъ кличемъ вопль: «Давайте держаться конституціи, ради Бога, конституція, карауль! спасите! пожаръ! горитъ!»

Какъ скоро вы видите партію—все равно, гдѣ и когда бы вы ни видѣли ее,—которая издаетъ вмѣсто боевого клича трепетный вопль «держитесь за конституцію»,—какое вы выведете заключеніе, господа? Я спрашиваю васъ не о намѣреніяхъ, не о желаніяхъ вашихъ:—я обращаюсь исключительно къ вашему разуму: какое вы выведете отсюда заключеніе?

Не будучи пророками, вы все же съ величайшей увѣренностью скажете при такомъ зрѣлищѣ: такая конституція находится при послѣднемъ издыханіи; она уже почти трупъ: еще нѣсколько лѣтъ, и о ней останется одно воспоминаніе.

Причины очевидны. Когда писанная конституція соотвѣтствуетъ существующимъ въ странѣ фактическимъ соотношеніямъ силъ, подобныхъ воплей не раздается. Къ такой конституціи никто не подступится, никто не посмѣетъ коснуться ея. Никому и въ голову не придетъ ввязываться съ ней въ борьбу, а если бы кто-нибудь рѣшился на это, то ему пришлось бы плохо. Гдѣ писанная конституція соотвѣтствуетъ реальнымъ фактическимъ соотношеніямъ силъ, тамъ невозможно подобное явленіе, чтобы какая-нибудь партія выставила, какъ особый боевой лозунгъ, кличъ: «держитесь за конституцію». Гдѣ подобный кличъ раздается, онъ самъ служитъ вѣрнымъ и несомнѣннымъ признакомъ того, что это—воплъ страха; другими словами: онъ доказываетъ, что въ писанной конституціи есть нѣчто противорѣчащее дѣйствительной конституціи, фактическимъ соотношеніямъ силъ. А гдѣ такое противорѣчіе существуетъ, тамъ писанная конституція погибла неизбѣжно, и никакой Богъ, никакіе вопли не спасутъ ее!

Она можетъ измѣняться въ двѣ противоположныя стороны, вправо и влево, но уцѣлѣть она не можетъ. Это доказываетъ всякому благомыслящему человѣку самый вопль о сохраненіи ея. Она можетъ измѣниться вправо, если измѣненіе предприметъ правительство, чтобы согласовать писанную конституцію съ фактическими условіями организованной силы въ обществѣ. Или выступить неорганизованная сила общества и снова докажетъ свое превосходство надъ организованной. Въ

такомъ случаѣ конституція будетъ отмѣнена и измѣнена влѣво, совершенно такъ же, какъ въ первомъ случаѣ ее измѣнило вправо. Но во всякомъ случаѣ она погибла.

Если вы не только запомните и тщательно обдумаете рѣчь, которую я имѣлъ честь произнести передъ вами, господа, но и выведете всѣ вытекающія изъ нея послѣдствія, то приобретете все конституціонное искусство и всю конституціонную мудрость. Конституціонные вопросы прежде всего— вопросы силы, а не права; дѣйствительная конституція страны заключается лишь въ существующихъ въ странѣ реальныхъ, фактическихъ соотношеніяхъ силъ; писанныя конституціи тогда только имѣютъ значеніе и прочность, если представляютъ точное выраженіе дѣйствительныхъ соотношеній силъ въ обществѣ— вотъ принципы, которые вамъ надо затвердить. Сегодня я объяснилъ вамъ эти принципы, освѣтивъ ихъ только съ точки зрѣнія военной силы, потому что, во-первыхъ, время не позволило мнѣ развить вопросъ съ другихъ точекъ зрѣнія, а во-вторыхъ, война играетъ самую важную и рѣшающую роль, разъ рѣчь заходитъ объ организованной силѣ. Но вы понимаете, что то же относится и къ организациі служителей правосудія, чиновниковъ, администраціи и т. д.; все это также орудія организованной силы общества. Запомните же эту рѣчь хорошенько, когда вамъ снова придется самимъ себѣ создавать конституцію, господа, знайте, какъ тогда дѣйствовать; знайте, что дѣло дѣлается не исписываніемъ бумаги, а измѣненіемъ фактическихъ соотношеній силъ.

Пока же, благодаря этой лекціи, вы и сами, господа, безъ малѣйшаго съ моей стороны указанія, поймете, какими потребностями вызываются нынѣшнія военныя реформы, предлагаемыя правительствомъ, поймете требованіе правительства увеличить армію.

Господа! Слуги монархіи—люди практичныя, не краснобаи, и такихъ практичныхъ людей позвольте пожелать и вамъ.

0000000000000

ЮФ СПбГУ